

ПОДЪ СВОДАМИ

сборникъ повѣстей, стихотвореній и воспоминаній, написанныхъ заключенными въстарой Шлиссельбургской крѣпости, составленный Н. Морозовымъ.

МОСКВА
1909 г.

Типографія А. С. Суворина въ Москвѣ.

ПРОЛОГЪ

НИКОЛАЯ МОРОЗОВА

Исторія этой книги длинная, очень длинная.

Эти стихотворенія, рассказы и воспоминанія были написаны уже много лѣтъ назадъ среди другихъ рассказовъ, стихотвореній и воспоминаній. Это какъ бы остатки великаго кораблекрушенія. Большая часть груза погибла навсегда. Волны выбросили на берегъ лишь немногое.

Была когда-то крѣпость на необитаемомъ островѣ огромнаго Ладожскаго озера, этого внутренняго моря Европы. Она существуетъ и теперь, все та же по своему внѣшнему виду. Въ ней и теперь томятся узники, но это уже не та прежняя неприступная крѣпость, окутанная покровомъ государственной тайны, куда никогда не должна была проникнуть нога посторонняго человѣка, гдѣ всякій, входившій подъ своды одной изъ ея келій, терялъ самое свое имя и становился нумеромъ...

Тотъ СТАРЫЙ ШЛИССЕЛЬБУРГЪ разрушенъ навсегда могучимъ напоромъ общественнаго движенія 1905 года.

Въ продолженіе двадцати лѣтъ тамъ жили тѣни безслѣдно исчезнувшихъ людей—нумера. Отрѣзанные навсегда отъ внѣшняго міра, они, какъ спиритическіе дѣхи, долго сообщались другъ съ другомъ только стуками пальцевъ по стѣнамъ своей каменной гробницы и одинъ за другимъ безмолвно переходили въ вѣчность. И этотъ переходъ узнавался другими тѣнями лишь по прекращенію ихъ тихаго стука.

Стуки, постоянно слышавшіяся по вечерамъ въ каменныхъ стѣнахъ этой непроницаемой крѣпости, когда прикладывали къ нимъ ухо, передавали многое. Порой сквозь толщу извести и кирпича переходили вопросы и отвѣты, порой передавалось цѣлое сообщеніе и записывалось сосѣдней тѣнью на грифельной доскѣ, или, впоследствии, въ особой тетрадкѣ. На каждой такой тетрадкѣ стоялъ нумеръ тѣни, которой она принадлежала, и сама тетрадка, попавъ въ келью, становилась тоже тѣнью, такъ какъ никто посторонній уже не могъ ее болѣе видѣть.

Такимъ именно путемъ когда-то прошли сквозь толстыя стѣны отъ одного узника къ другому и всѣ приведенныя здѣсь стихотворенія. Огромное большинство остальныхъ погибло навсегда вмѣстѣ съ ихъ авторами-тѣнями, тихо перешедшими изъ міра заживо погребенныхъ въ міръ дѣйствительнаго вѣчнаго покоя, «гдѣ нѣтъ ни печали, ни болѣзней, ни воздыханій»... Кельи, гдѣ они слагали въ умѣ или на грифельной доскѣ свои стихотворенія и рассказы, стали для нихъ, какъ и было имъ объявлено при входѣ, только временными могилами, изъ которыхъ была одна дорога— въ вѣчныя. Отъ многихъ узниковъ теперь не сохранилось ничего, кромѣ косвеннаго ряда едва замѣтныхъ углубленій въ каменномъ полу ихъ келій, выбитыхъ ихъ долго ходившими взадъ и впередъ ногами, да еще одного большого, хотя и не глубокаго, углубленія въ почвѣ, за бастіонами крѣпости, тамъ, гдѣ вѣчно плещутъ волны и гдѣ лежатъ ихъ вѣчныя могилы. Тамъ, на берегу, ихъ зарывали по ночамъ, при свѣтѣ фонарей и, выбросивъ избытокъ земли въ глубину озера, прикрывали ихъ могилы свѣжимъ дерномъ, чтобъ утромъ не было замѣтно никакихъ слѣдовъ погребенія даже и на этой, недоступной ни для кого чужого полосѣ берега, подъ бастіонами. Но эти расчеты не удались. Изрытая почва, осѣла и теперь надъ каждой могилой образовалось по легкому углубленію.

* * *

Прозаическія произведенія этой книги принадлежатъ болѣе позднему періоду заключенія. Большинство перво-

начальныхъ узниковъ Алексѣевского Равелина Петропавловской крѣпости, и, какъ его продолженія, Шлиссельбурга, были уже въ своихъ могилахъ. Остальные быстрыми шагами шли вслѣдъ за ними. Нѣкоторые потеряли разсудокъ, и черезъ нѣсколько лѣтъ всѣ кельи должны были опустѣть и стуки въ стѣнахъ темницы могли навсегда прекратиться.

И вотъ условія жизни въ этомъ крошечномъ міркѣ живо погребенныхъ были улучшены.

Зачѣмъ?

Можетъ быть, для того, чтобы не опустѣла темница и тюремщики не потеряли своихъ мѣстъ?..

Но какъ бы то ни было, бывшія тѣни вдругъ увидѣли другъ друга. Онѣ все еще оставались безъимянными нумерами, но ихъ стали водить на прогулку *по два вмѣстѣ*. Это была для нихъ неожиданная радость, и смерть перестала косить одну блѣдную тѣнь за другой. Въ ихъ кельяхъ появились чернила и бумага безъ нумерованныхъ страницъ, и тотчасъ же возникла цѣлая литература повѣстей, рассказовъ и воспоминаній, писавшихся для развлечения другъ друга. Появились даже товарищескіе сборники, перебрасывавшіеся изъ одной «прогулочной клѣтки» въ другую, когда заключенныхъ выводили гулять въ глубокой промежутокъ между стѣною ихъ темницы и высокимъ бастіономъ крѣпости.

* * *

Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ. Невѣдомые никому постороннему сборники давно уничтожены, такъ какъ большинство узниковъ потеряло всякую надежду выйти изъ своихъ стѣнъ или вынести за ихъ предѣлы свою литературу, которой они сверхъ того и не придавали никакого значенія. Закрытіе Шлиссельбургской крѣпости въ 1906 г. уничтожило послѣдніе экземпляры этихъ сборниковъ, такъ какъ вывозъ ихъ представлялся большинству заключенныхъ невозможнымъ, вслѣдствіе неумолимой цензуры мѣстнаго начальства, отбиравшаго до тѣхъ поръ у вывозимыхъ нерѣдко каждый клочекъ бумаги. Однако, среди всеобщей растерянности мѣстныхъ властей во время крушенія этой, казавшейся имъ такъ прочной, темницы, нѣкоторымъ уда-

лось увезти кое-что не только изъ научныхъ, но и изъ беллетристическихъ произведеній.

Мало, очень мало сохранилось отъ написаннаго тамъ въ былые годы. Но когда мнѣ удалось получить маленькій тюкъ нашихъ старинныхъ произведеній отъ увезеннаго послѣднимъ Гершуни, то отъ этихъ давно знакомыхъ полуистлѣвшихъ тетрадокъ и листовъ такъ и повѣяло на меня воспоминаніемъ прошлаго, сдѣлавшагося теперь болѣе похожимъ на сонъ, чѣмъ на дѣйствительность, того прошлаго, когда я и самъ былъ тѣнью, простымъ № 4, и ожидалъ, что также, какъ и другіе, буду зарытъ при свѣтѣ фонарей на берегу озера, въ одну темную осеннюю ночь... Многое въ этихъ тетрадкахъ и листкахъ было лишь въ черновыхъ наброскахъ, почти не разборчиво. Многое—безъ конца. Но какъ ни мало выбросили волны на берегъ, все же и этихъ матеріаловъ, вмѣстѣ съ сохранившимися у меня, оказалась достаточно для составленія этого сборника.

Николай Морозовъ.

МИХАИЛЬ НОВОРУССКІЙ

заключенный № 25

ВЪ АБСОЛЮТНОМЪ ОДИНОЧЕСТВѢ

отрывокъ изъ дневника 1887 года.

ВЪ АБСОЛЮТНОМЪ ОДИНОЧЕСТВѢ.

Отрывокъ изъ дневника 1887 года *).

Суббота, 25 іюля 1887 г.

Дни идутъ за днями: что ни день, то къ свободѣ ближе,—истина столь же очевидная, какъ и уменьшеніе длины дней въ данное время. Жизнь течетъ въ томъ же направленіи, по руслу уже сложившемуся. Однообразіе внѣшнихъ воздѣйствій невольно поселить ту же монотонность и въ психическомъ мірѣ.

Отголоски прежней жизни также продолжаютъ, въ доказательство тождества моей личности. Иной разъ сильно заноситъ около лѣваго бока, но можетъ быть я не обманываю себя, сказавши, что заключеніе переносится безъ тяжкихъ страданій. Вступаетъ въ дѣло холодный анализъ, и нытье, точно пожаръ за недостаткомъ матеріала, прекращается...

Воскресенье, 2 августа 1887 г.

Тихо, однообразно, почти мертво, какъ въ могилѣ...

Съ поэтической точки зрѣнія лучше не смотрѣть на нашъ бытъ, а то непременно представится что-нибудь необыкновенное... Сиди, не представляй и не воображай, а только мысли, тогда не такъ скоро начнутъ разстраиваться нервы...

*) Авторъ перевезенъ въ Шлиссельбургъ 5-го мая того же года.

А все-таки никакъ не стать на такую точку, чтобы безпристрастно обсудить свое положеніе. Съ исторической, научной точки зрѣнія, ты—ничтожество, сиди и молчи. Но на то она и наука, чтобы быть объективной, а на то я и субъектъ, чтобы кое-что чувствовать. Легко отрѣшиться отъ себя до самозабвенія тому, кто бросается въ огонь вытащить ребенка. Но вѣдь онъ бросается,—моментъ одинъ! А тутъ приходится ежедневно, ежечасно сидѣть, да самоотрекаться. Что же? Будемъ.

А вѣдь нельзя сказать по совѣсти, чтобы дѣйствительно страдалъ. Иногда цѣлыми днями чувствуешь себя «объективно» (будемъ такъ выражаться). А иногда вдругъ «подкатить» къ сердцу, и ходишь самъ не свой. Объективировать себя... легко тогда, когда всякія представленія, относящіяся къ *Я*, заглушены другими насущными, важными и сильными. А ну-ка заглуши себя тутъ, ежедневно оставаясь по необходимости самъ съ собою! Да изволь еще сдѣлать это *ты* не приготовившій для этого солидныхъ задатковъ заранѣе, когда жилъ въ нормальныхъ условіяхъ. А вѣдь вопросъ поставленъ ребромъ: побѣдить или умереть.

Четвергъ, 27 августа 1887 г.

Давно я не заносилъ на эти страницы... чуть не сказалъ: своихъ впечатлѣній. Какія же тутъ могутъ быть впечатлѣнія? Колебанія же внутренняго барометра такъ незначительны, что на нихъ бы и останавливаться не слѣдовало. Понятія измѣняются вмѣстѣ съ ходомъ жизни. Заводя эту тетрадь, я думалъ, что тюремная жизнь, доставляя ежедневно волненія, въ силу своей ненормальности, послужить обильнымъ источникомъ для дневника, который будетъ чѣмъ-то въ родѣ мартиролога. Выходитъ иначе. Рядъ непрерывныхъ волненій несвойственъ человѣку. Уже были дни, проведенные съ нормальнымъ самочувствіемъ, точно въ условіяхъ обычной человѣческой жизни...

А все же часто еще бываютъ минуты, когда все нутро чувствуетъ, что тебя *заставили* жить. Заставили, да еще постарались такъ обставить твою жизнь, чтобы все напоми-

нало, что ты не человекъ. Сдѣлали не простую камеру, а что-то въ родѣ склепа съ рѣзкой противоположностью бѣлаго верха и чернаго низа; не просто пиджакъ изъ обыкновеннаго сѣраго сукна, а съ черными рукавами. Мелко же о насъ думали, полагая, что такой маскарадъ можетъ намъ доставить дѣйствительныя страданія!

Тихо. Воображеніе можетъ что угодно представить въ этой мертвящей тишинѣ: и музыку и пѣсню.

Вотъ кашлянулъ кто-то. Другой монотонно шагаетъ по сосѣдству. Какія существа живутъ рядомъ со мной? Какія мысли роятся подъ ихъ черепомъ? Какія волненія наполняютъ ихъ безконечно долгіе дни? Все это скрыто въ стѣнахъ, все это будетъ погребено здѣсь, и только немногіе на волѣ перенесутся иногда мыслию въ положеніе этихъ нѣсколькихъ существъ и пошлютъ имъ заочно доброе напутствіе въ могилу.

Дверь гдѣ-то хлопнула. Торопливые шаги по коридору. Успокаивать ли побѣждали буйную натуру, нежелающую сидѣть спокойно въ этихъ рамкахъ насильственной жизни, или это, можетъ быть?.. Прочь фантазія!

Но эта фантазія крѣпка, она засѣла глубоко, какъ привязанность къ жизни, какъ сама жизнь въ организмѣ. Да вѣдь будетъ же когда-нибудь этотъ моментъ освобожденія!..

Опять мертво. Пустынно, не слышно ни души... И вѣдь вѣрное избрали карательное средство для людей, у которыхъ сердце забилося не для индивидуальной кукольной жизни. Предоставили каждому оставаться при себѣ самомъ и предаваться самопознанію. Все тутъ на-лицо: что раньше добылъ, тѣмъ и живи. Возврата почти нѣтъ. Надо быть искреннимъ человекомъ, чтобъ спокойно переносить постоянное присутствіе себя самого во всей натуральности, такъ какъ замаскироваться тутъ нечѣмъ.

Ну, и извлекаешь изъ собственныхъ нѣдръ только то, что можно оттуда извлечь. Только даровитая личность, да и то въ періодъ творчества, извлекаетъ отсюда нѣчто новое, оригинальное, поражающее своею неожиданностью. Впрочемъ, всякое размышленіе есть тоже творческій про-

цессъ: въ немъ тюремныя утѣхи, отрада и успокоеніе. Тутъ мысли какъ-то объективируются, «Я» забывается. Процессъ работы возбуждаетъ, оживляетъ, радуетъ; часы проходятъ незамѣтно. Не додумались еще вводить руку подъ черепъ, чтобы и на мозгъ надѣть такіе же черные рукава, которые уже никогда не давали бы покоя обладателю ихъ!

И ходитъ узникъ изъ угла въ уголъ, отмѣривая по 7 шаговъ въ сторону. Медленно ходитъ и быстро ходитъ. Широкій Божій міръ разстилается передъ его умственнымъ взоромъ. Жизнь бьетъ вездѣ ключемъ. То обращается онъ къ общимъ законамъ, господствующимъ въ этой жизни, то всматривается въ нее по частямъ, оглядываетъ съ разныхъ сторонъ, создаетъ живыя человѣческія фигуры, видитъ ихъ въ дѣйствіи, самъ становится среди нихъ.... Словомъ, живетъ полною, широкою жизнью, хотя и воображаемою. Въ волненіи ходитъ онъ въ своемъ склепѣ, учащая шаги; возбужденіе растетъ, кровь стучитъ въ виски... Нѣтъ, значитъ и это—жизнь! Но чу!.. Стѣны, дверь, тюрьма.... Очарованіе прекратилось, мысли оборвались, «Я» выплываетъ на сцену, заявляя свои права на ту реальную жизнь, которая сейчасъ только мерещилась...

Прочь соблазнъ!. Въ исторіи всегда были тюрьмы; почему же въ нихъ должны сидѣть только другіе, а не я въ ихъ числѣ? Эта тюремная жизнь необходима при извѣстныхъ историческихъ условіяхъ, значитъ, обязательна и для меня, а потому и невозможно мнѣ проводить иную... Однако родные, и близкія лица... Они вспоминаютъ обо мнѣ, зовутъ къ себѣ раздѣлить съ ними удовольствія совмѣстной жизни... Да что лица! Живо представляется вся та жизнь, запретная, недостижимая, которую ведутъ всѣ люди, кромѣ запертыхъ на ключъ. Но теперь, пожалуй, прошло то время, когда больно было вспомнить о нихъ. Теперь спокойно уже можно всматриваться и въ самую жизнь, какая осталась тамъ, позади, и въ лица, окружавшія меня въ дѣтствѣ, въ юности...

Ты не хотѣлъ растительной жизни, ты хотѣлъ быть сознательнымъ и дѣятельнымъ индивидуумомъ. Получай же!....

Понедѣльникъ 7-го сентября 1887.

Однообразно, но не медленно идетъ жизнь узника. Чувства, настроенія, фантазія, какъ-то притупились, замерли. Но нѣтъ, нѣтъ и вспыхнетъ вновь огонекъ жизни... Все содержаніе ея пополняется изнутри. Никто уже не поможетъ мнѣ направить свои чувства или мысли въ ту или другую сторону. Не впечатлѣнія задаютъ тонъ жизни, а представленія и мысли,—въ этомъ коренное различіе нашей жизни отъ всякой другой. Въ этомъ ея превосходство, но въ этомъ же и ея трагизмъ. Не удалось и религіознымъ мечтателямъ превратить человѣка въ безплотное существо: пять внѣшнихъ чувствъ настойчиво заявляютъ о своемъ существованіи и требуютъ себѣ нормальной пищи.

Опять осенній дождь льетъ не переставая, и одна вода въ сточной трубѣ нарушаетъ мертвую тишину. Монастырь это, или гробъ? Прошли, кажется, времена, когда хоронили живыхъ. Похоже, конечно... Но сердце бьется жизнью, мозгъ работаетъ, отчаянію еще нѣтъ мѣста.

Глухо раздаются шаги подъ сводами; какой-то особый звенящій гулъ отдается въ стѣнахъ. И долго ходитъ узникъ, то медленно, то быстро. Онъ живетъ... Не подлинной, но все же глубокой жизнью, и сильнымъ чувствомъ...

Нѣтъ, тутъ еще не гробъ!.. Кровь стучитъ въ виски, мысли роятся быстро, то нахлынутъ общимъ потокомъ и, перебивая другъ друга, лѣзутъ въ сознаніе беспорядочными толпами, то примутъ ровное теченіе и опредѣленный ходъ: начинается спокойное обдумываніе ввязавшейся темы... Кашлянулъ сосѣдній узникъ, эхо громко отдалось въ сводахъ, и мысли, точно спугнутые воробы, разлетѣлись во всѣ стороны...

Волнуется грудь: жизнь прежняя, широкая и привольная вновь заговорила. Гдѣ вы, милые сердцу, дорогія существа? Ваши образы забываются... Нѣтъ, не забываются, а ясно, настойчиво заявляютъ о своихъ правахъ на мѣсто въ душѣ. Нѣтъ ужъ лучше о васъ не думать,—съ намѣреніемъ приходится изгонять васъ!.. Но и во снѣ, и въ полудре-

мотѣ, и наяву среди размышленій, являетесь вы непрошенные въ какомъ-то свѣтломъ обаяніи на темномъ фонѣ безрадостнаго одиночества. Ничто изъ прежняго не забыто. Напротивъ, всѣ мелочи, на которыя среди житейскаго шума обыкновенно не обращаютъ вниманія, здѣсь, среди мертвящей пустоты, невольно всплываютъ въ сознаніи и удивляютъ своимъ неожиданнымъ появленіемъ.

Гдѣ вы, дорогія существа, и что съ вами? Несмотря на настоящее, наглядное опроверженіе того, что все идетъ къ лучшему въ наилучшемъ изъ міровъ, все-таки думается, что съ вами не случилось ничего подобного.

Тихо и величаво всплываютъ одна за другой картины изъ жизни этихъ лицъ. Вотъ послѣдніе полтора года непрестанныхъ волненій. Живы и ярки эти картины, такъ какъ ничто здѣсь не мѣшаетъ цѣльности ихъ воспроизведенія. Но теперь ужъ не прежнее дѣйствіе производятъ онѣ своимъ появленіемъ. Изрѣдка только отдается тупое чувство старой боли, чувство тоски-кручины и совершеннѣйшей оторванности.

Нѣтъ, теперь эти картины становятся уже историческими, какъ бы совсѣмъ чужими, и только ихъ теплое вѣяніе и чарующій обликъ свидѣлствуютъ о ихъ подлинной интимной близости ко мнѣ. Здѣсь въ отношеніи ихъ, кажется, никогда не наступитъ такой душевный холодъ, который можетъ уничтожить своимъ мертвящимъ дыханіемъ живительное дѣйствіе благодатной весны жизни. Отъ нея остались на память навсегда дорогія картины, волнующія и согрѣвающие.

Понедѣльникъ, 19 октября 1887 г.

Вотъ и еще полтора мѣсяца кануло въ вѣчность прежде, чѣмъ я собрался занести сюда свои мысли. Теперь ужъ кажется нечего и заносить, руководясь прежней программой, такъ какъ внутренній міръ установился почти на точкѣ замерзанія. Теперь начинаю вѣрить, что можно забыть все личное, что прежде волновало, и довести себя до безстрастія Оивайдскихъ пустынниковъ.

ковы законы бытія. Конечно, эта цѣль еще далеко, но я на пути къ ней и, навѣрное, приду, какъ мужикъ, до того сжившійся съ вѣковой нуждой, что утратилъ самую способность желать перемѣны своей участи.

Вторникъ, 20 октября 1887 г.

Вѣдь вотъ обманулъ вчера самъ себя, ибо сегодня опять попрежнему пришлось поймать свои мысли на распутіяхъ міра: читаю «Содержаніе правовыхъ нормъ», а между строками назойливо мелькаютъ милые образы, знакомые виды, слышатся звуки, и дразнятъ, дразнятъ!..»

На этомъ прекратился дневникъ перваго года заключенія Новорусскаго. Начало его тоже не сохранилось. Возобновился онъ лишь черезъ 5 лѣтъ въ 1892 году.

СТИХОТВОРЕНІЯ

Юрія Богдановича (№ 8)

Михайла Лаговскаго (№ 21)

Михайла Новорусскаго (№ 25)

Василія Панкратова (№ 20)

Дмитрія Суровцева (№ 16)

Михайла Фроленко (№ 2)

Сергѣя Иванова (№ 28)

Николая Морозова (№ 4)

ОСЕНЬЮ 1893 ГОДА.

Какъ скучно жить! Какъ глупо жить!..
Какъ жалки, скудны впечатлѣнья!..
Какъ равнодушно тянешь нить—
Нить безконечнаго терпѣнья!

Читать? Работать?.. Чтò за трудъ
Въ трясинѣ топкаго болота!
И пусть хоть груды книгъ дадутъ,—
Все будешь ныть и ждать чего-то.

Средь монотонности пустой
Напрасно ищешь развлеченья,
И радъ уставшею душой
Вкусить хоть новый родъ мученья!

Михаиль Новорусскій.

ВЪРЪ НИКОЛАЕВНЪ ФИГНЕРЪ.

(Въ день рожденія.)

Въ этотъ день, всѣмъ намъ памятный такъ съ малолѣтства,
Я хотѣлъ было въ слабую рифму вложить
Тѣ слова, что такъ нѣжно ласкали насъ съ дѣтства...
Но увы! Я не въ силахъ ихъ вновь воскресить!

И въ безсильи нѣмомъ, я безъ ласки привѣта,
Не умѣя сердечнаго слова сказать,
Какъ преступникъ, стою предъ тобой безъ отвѣта,
И могу только руку безмолвно пожать!

17 сентября, 1889 г.

Михаилъ Новорусскій.